

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М.: Просвещение, 1987.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.

Никонов В.М. Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте // Проблемы культурной адаптации текста. Тезисы докладов международной научной конференции. – Воронеж: Центр “Русская словесность”, 1999.

Тимко Н.В. Культурный компонент лингвоэтнического барьера // Ученые записки РОСИ. Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод, вып. 2, Курск: Изд-во РОСИ, 1999.

Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги? (Библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты). - Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999.

Разумовская М.В. О сказке // Contes littéraires français XII – XXèmes siècles. – Moscou: Editions Radouga, 1983.

Delarue P., Tenèze M.Z. Le conte populaire français: Catalogue raisonné des versions de France. – P.: Maisonneuve et Larose, 1997.

Simonsen M. Le conte populaire français. – P.: Presse Universitaire de France, 1981.

Французские сказки: Пер. с фр. / Сост. И послесл. А.Л. Налетина. – М.: Правда, 1988.

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Том 2. Госуд. Изд-во худ. Литературы. М., 1957.

Afanassiev A. Les contes populaires russes. Tome second. Traduction et notes pour Lise Gruel-Apert. – Paris, Editions Maisonneuve et Larose. 1990.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.

Lederer M. La traduction d’aujourd’hui: Le modèle interprétatif. – Paris: Hachette. – 1994.

Кретов А.А., Фененко Н.А. К понятию импрессивной эквивалентности текстов // Перевод: Язык и культура. Материалы международной научной конференции. Воронеж: ЦЧКИ, 2000.

Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? – М.: Стелла, 1994.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. На материале фр. и русского языков. – М.: Изд-во Международные отношения, 1977.

Ю.А. Сорокин

СТИХИ И ПРОЗА ДИЛАНА ТОМАСА:

КРАТКОЕ И НИ К ЧЕМУ НЕ ОБЯЗЫВАЮЩЕЕ ЧИТАТЕЛЕЙ
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Дилан Томас (1914 - 1953) – поэт, прозаик и драматург. Рискну утверждать, что мы его не знаем: и переводов немного, и, как это ни парадоксально, они оказываются такими зеркалами, в которых Дилан Томас вряд ли узнал бы себя. А мы, в свою очередь, видим “словесный силуэт”, приводящий в смущение: в нем губы Никанора Ивановича приставлены к носу Ивана Кузьмича, развязность взята у Балтазара Балтазарыча и к ней прибавлена дородность Ивана Павловича. Но этот силуэт обманывает: его контуры не есть сумма переводческих слагаемых, но целостное единство семантико-тропологических

своеобычностей, о которых приходится лишь догадываться. Формалисты сказали бы о Дилане Томасе: “Он - наш. Он из тех, кто *остраняет*”, а Ю.Н. Тынянов, наверное, использовал бы стихи и рассказы (микрорассказы) Дилана Томаса в качестве доказательства того, что и поэзия, и проза – это агонистические поля, в которых уничтожаются обычные семантические ассоциации слов и возникают семантические *сломы*.

Дилан Томас - парадоксалист и абсурдист. Родственники Дилана Томаса - У. Эко (см., например, “Имя розы”, Спб., 1998), М. Павич (см. его “Пейзаж, на-

рисованный чаем”, Спб., 2000) и Л. Кэррол. Все они ищут зазор между профанным и сакральным, тот архетипический мир, который устойчив и подвижен, однозначен и символичен, вещественен и нематериален. Ищут мир игры (по Хейзинге), где эйдос спорит с логосом и где уютно и привольно нонсенсу, если, конечно, понимать его - вслед за Ж. Делёзом - как “... то, что не имеет смысла, но также и то, что противоположно отсутствию последнего, что само по себе дарует смысл”. Если “...

смысл - это всегда эффект” (Ж. Делёз), то итоговое впечатление от перевода (И. Левый) также должно быть эффективным. Удалось ли мне добиться в переводах подобия английских семантико-логосических комплексов, которыми играет Дилан Томас, русским - я не знаю, но хотелось бы надеяться, что мой пейзаж, нарисованный чаем, не так уж плох, что я сумел завести часы своим молчанием.

Юрий Сорокин

ДИЛАН ТОМАС

ПАПОРОТНИКОВЫЙ ХОЛМ

И вот когда я был мал и беспечен под ветвями яблони

Около поющего дома и счастлив как зеленая трава

Ночь над глубокой ложиной озвездилась

Время позволило мне ликовать и восходить

Золотистым в расцвете его глав.

И знатный меж повозок я был принцем яблочных городов

И однажды под временем я величаво принял деревья и листву

Плывя с маргаритками и ячменем

Вниз по рекам падалицы света.

И когда я был зелен и беспечен в почете между амбарами

Вокруг счастливого дома и напевен ибо ферма была домом

Под солнцем молодым только один раз

Время позволяло мне играть и быть

Золотистым в благодати его обликов

И зеленый и золотой я был охотником и пастухом телята

Пели под мой рог лисы на холмах тьякали ясно и прохладно

И суббота медленно звонила

На камешках святых потоков.

Все долгое солнце лилось было прекрасным санным

Луга высотой с дом напевы печных труб были воздухом

Да игрой прекрасной и влажной

И огонь зеленел как трава.

А ночами под простыми звездами

Когда я въезжал в сон совы далеко уносили ферму

Всю долгую ночь я слушал благословенный среди конюшен козодоев
Летящих со стогами и лошадей,
Уносящихся во тьму.

А потом просыпался и ферма словно белый путник
С росой возвращалась обратно и петух у нее на плече и все было
Сияющим был Адам и дева
Небо сгущалось вновь
И солнце круглилось в тот самый день
Так должно было быть после рождения простого света
В первом очаге вращения очарованные кони бегут горячо
Из ржущей зеленой конюшни
В поля благодати.

И благословенный среди лис и фазанов около радостного дома
Под заново сотворенными облаками и счастливый во вею длину сердца
Под солнцем рождаемый снова и снова
Я бежал своими бездумными путями
Моя желанья мчались сквозь дым высоким стогом

И ничуть меня не заботило в голубых ремеслах моего детства что
время дарует

Во всех своих полнозвучных поворотах столь малые ж столь траурные
песни

Прежде чем дети зелени и золота
Последуют за ним в немилость.

И ничуть меня не тревожило в те ягненковобелые дни что время возьмет
меня

На чердаке полном ласточек за тень моей руки
Под луной вечно восходящей
И ничуть не тревожило что в скачке сна
Я услышу полет времени над высокими полями
И проснусь и ферма навсегда улетела из бездетной страны.
О когда я был мал к беспечен милостями времени
Время владело мной зеленым и умирающим

Хотя я пел в своих цепях словно море.

ДЕЙСТВО ПОСЛЕ ТУШЕНИЯ ПОЖАРА

Двойники моего я

Плакальщики

Оплачьте
Среди улицы вплавленной в неустанную смерть
Младенца
Рот гибкой формы,
Сожженный на черной груди могилы
Отрытой матерью оплачьте детские руки полные пламени!
Начинайте
Петь
Воспойте
Тьму возвращенную истоку
Когда плененный язык бился вслепую
И звезда разлетелась
В столетиях ребенка
Плачьте мои двойники чудеса не помогут искуплению.

Прости
Прости наши вины
Ради моих верующих двойников
Они смогут удержать смерть в великом потоке
Пока не брызнет кровь
И прах не воспет как птица
Зернами прорастая словно твоя смерть сквозь наше сердце
Плачьте
Плачьте над смертью
Оплачьте
Дитя за рассветом близь скорченной огнем улицы
Мы воспеваем летящее море
В утереянном теле.
Любовь есть последний сказанный свет. О брошенное
Семя сынов в оболочке черного чрева.

II

Я не знаю
Адам или Ева или вохваляемый святой вол
Или невинный ягненок
Или пречистая дева избранница
Положенная во снег
На алтарь Лондона

Я не знаю кто первым умер
В пепле маленького черепа
О, невеста и жених
О, Адам и Ева
Вместе убаюканные и лежащие
Под печальной грудью камня в головах могилы
Белого как скелет Эдемского сада.
Я не знаю легенда
Об Адаме и Еве никогда не смолкнет
На моей панихиде
По мертвым детям
По тому единственному ребенку
Кто был и священником и прихожанами
Был словом певчими и языком
В пепле маленького черепа
Был змием
Закатом и плодом похожим на солнце
Муж и жена не воплотились вспять в темноту
Нагую как детские ясли
Одичалого сада.

III

В органные трубы и шпили
Сияющих соборов
В расплавленные рты флюгеров
Извитых зыбью двенадцати кругов
В мертвые часы сжигающие время
Над урной суббот и шабашей
Над крутящейся воронкой рассвета
Над солнечной впадиной и трущобами огня
И золотыми мостовыми выложенными реквиями
В хлеб среди пшеничного поля пламени
И обжигающее вино
Глыбы моря

Глыбы моря

Над глыбами моря несущего ребенка

Брызни и бей фонтаном и дойди навсегда до предела

Слава слава слава

До предела конечного царства громopodobного зачатия

ЕСЛИ СВИСТИТ УДОВОЛЬСТВИЯ ПТИЦА

Если вслед проводам раскаленным свистит удовольствия птица

Нужно ли слаще запеть слепому коню?

Схожие птица и зверь забились в нору отстрадать

Причуду ножей и трапезованья.

Вдыхаемый пролитый снег на краю языка года

Подбрасывает плевки пузырьками разбитых пространств

Только влюбленному веточки глав два огня

Опьяняющие белый поток нервов и пищи

Смакованье времен сквозь смертное дерево пуха

Под ветром гусиной ощипки

Даже когда иступленный язык разрывает свои могилы

Обернись и взгляни на колыханье красных корней.

Ведь тут застоялась история города лени

Эта замерзшая женщина чьи соки дрейфуют словно недвижимое море

Таинственно и скульптурно

Ужели мне под ударом горячей раскатанной улицы

Не обернуться круто и не взглянуть на ушедшее время

Шаткое и горящее в путанице галлерей и башен

Словно зыбкие детские рисунки?

Едкую личность и зачатое место

Я насыщал яствами басни

Если мертвецы голодны их вывернет наизнанку

Они пошатнут прямоступых на антиподах

И пенное скалегрудное море

Над прошедшею трапезой я повторяю сегодня эту молитву

СПИРАЛИ ЖУРАВЛИНЫЙ КРЕН

Спираль журавлиный крен. Ее обитель изваянем.

Каменные гнезда мешают резным пушистым птицам

Уронить пронзительные крики на жгучий щебень

Пронзить разбрызганное в плевелах наклонах

На вершок от пены. Колокольным звоном обманывают пленную спираль

Рассекают время и беззаконными дождями захлестывают водного

Священника время рук пловца музыка серебряного локона

И рта. Звуки и перо нырком изгибами спирали

Эти птицы крена журавлиного выбраны для вас песни рвутся вспять

На выстроенный голос иль зимами летят на звоны

Вниз не срываясь словно к расточителю к немому ветру.

Карта Любви.

“Здесь и обретаются, - сказал Сэм Риб, Сэм Ребро, звери о двух спинах”. Он указал на карту Любви, на квадрат морей, островов и невиданных континентов, покрытых по краю лесом тьмы. Остров о двух спинах, лежащий на экваторе, был похож наощупь на волчью шкуру, а в кровавом море, окружающем его, по-новому оживали волны. Именно здесь семя, приносимое приливом, разбивается о пенные берега; множатся крупинки песка; проходят времена года; в отеческом пыле лето спускается к осени и к первым шипам зимы, покидая остров, выдыхающий из своих пустот четыре непопутных ветра.

“Здесь, - сказал Сэм Риб, - вдавливая свои пальцы в холмы маленького острова, - и обретаются первые звери любви”. И здесь приплод первых любовей, перемешанный, насколько он знает, с травами, умащивающими свои всходы, с их собственным ветром и соком, вскармливал и свой первый любовный зуд, который никогда, пока не приходила весна, не находил тревожного отклика в содружественной листве.

Бет Риб и Рубен наблюдали за зеленым морем вокруг острова. Оно бежало сквозь расщелины, словно мальчишка сквозь свои первые пещеры. Под морем они заметили каналы, рисунки, напоминающие скелет и связывающие остров первых зверей с болотистыми землями.

Детей бросало в краску от стыда за полужидкие растения, вырастающие из трясины, за нарисованные карандашом отравы, бурлящие в траве, за совокупление во вторичной мути.

“Здесь, - сказал Сэм Риб, - снуют две погоды”. Он обвел пальцем тонко нарисованные треугольники двух ветров и рты двух загнанных в угол ангелов. Эти погоды двигались в одном направлении. Друг за другом они проползли над крошечными болотами, довольствуясь тенью собственных дождей и снегопадов, в шуме вздохов и веселье зеленых свершений. Эти погоды, похожие на девочку и мальчика, двигались сквозь мечущийся мир, и морской шторм раскидывался над ними, и облака делились на несчетные ярости движения, когда они взглядывали на сырую стену ветра.

“Возвращайтесь, сотворенные чада, в отцовскую лабораторию, - прокричал Сэм Риб, - к его откормленному в пробирке теляти”. Он указал на сдвиг местобытия, на чернильные пятна разлученных погод, путешествующих над глубоким морем, и на второй разлом между мирами любовников. Ангелы дунули посильнее; росло беснованье двух мечущихся погод и брызг слипающегося моря; погоды остановились на единственной полоске двух спаривающихся стран. Две голые башни на бессчетных

песках, в каждой крупинке которых - две любви, сливались, как указывали стрелки на карте, в совокупную силу. Но чернильные стрелки оттесняли их назад; две ослабевшие башни, влажные от любви, вздрагивали от ужаса их первого слияния, и неслись над землей две побледневшие тени.

Бет Риб и Рубен вымеряли холм, бросающий каменный взгляд на пеструю долину; рука об руку они сбежали с холма, и, напевая по пути, швырнули свои чулки на мокрую траву первого из двадцати полей. Здесь, в долине, живет душа, которая истончится, когда все холмы и деревья, все скалы и ручьи похоронит Западная смерть. Здесь находилось первое поле, на котором сотню лет назад сумасшедший Джарвис вбрызнул свое семя в ложесна лысоголовой девушки, которая забрела сюда из далекой страны и возлегла с ним в муках любви.

Здесь было и четвертое поле, удивительное место, где мертвецы вывертывались на пьяных ногах из сухих могил или падшие ангелы сражались на водах потоков. Посаженная в землю долины глубже, чем могли сухие корни прорасти вслед за своими сотоварищами, душа четвертого поля восставала из тьмы, приманивая самое глубокое и черное из сердец всех тех, кто проходил долиной хоть двадцать миль, оставляя границы гористой страны.

На десятом главном поле Бет Риб и Рубен стучались в двери домов, расспрашивая о первом острове, окруженном любящими холмами. Они барабанили и в задние двери, но им отвечали святоотеческим предостережением.

Взявшись за руки, босые, они пробежали через десять оставшихся полей к кромке вод Идриса, где воздух дышал водорослями, а душа долины восседала под дождем. Подошла ночь, рука на бедре, и очертания далеких просторов теперь туманной реки придвигались все ближе к ним, обретая новую форму. В полумиле вверх по реке рисовался остров, окруженный стеной темноты. На цыпочках прокрались Бет Риб и Рубен к плещущейся реке. Они увидели, как разрастается силу-

эт острова, разжали пальцы, сбросили летние одежды и голые вбежали в реку.

“Вверх по реке, вверх по реке”, - шептала она.

“Вверх по реке”, - сказал он.

Их сносило вниз, ибо поток тянул их за ноги, но они пересиливали течение и плыли вперед к все еще расширявшемуся острову. А затем ил поднялся со дна реки и стал всасывать ноги Бет.

“Вниз по реке, вниз по реке”, - звала она, борясь с илом.

Рубен, опутанный водорослями, боролся с их серыми верхушками, сражавшимися с его руками, и плыл следом за ней к краю уходящей в море долины. И все-таки, когда Бет плыла, вода щекотала ее; вода прижималась к ее боку

“Любовь моя”, - закричал Рубен, возбужденный щекочущей водой и руками водорослей.

“Любовь моя”, - прошептала и она, когда они, голые, остановились на двадцатом поле.

Первый страх отшвырнул их друг от друга. Как были мокрыми - так и натянули они на себя мокрую одежду.

“Через поля”, - сказала она

Через поля, к холмам и к дому Сэма Риб на холме, бежали, не взявшись за руки, дети, похожие на ослабевшие крепости, дети, смущенные илом и краснеющие от первой щекотки воды туманного острова.

“Здесь пребывают, - сказал Сэм Риб, - первые звереныши любви”. Слишком испуганные, чтобы коснуться друг друга, дети услышали эти слова в прохладе нового утра. Он снова дотронулся до сгорбившегося над островом холма и указал на движение каналов-скелетов, связывающих ил с илом, зеленое море с более темным и все острова и холмы любви в единое целое. “Здесь спариваются травы, листья и песчинки, - сказал Сэм Риб, - спариваются и понуждаются к союзу разделенные воды. Солнце с травами и листьями, песок с водой, вода с изумрудной травой - вот кого спаривают и кто спаривается для вынашивания и выкармливания земного шара”. Сэм Риб

тоже спаривался с зеленой женщиной, как и знаменитый Дядюшка Джарвис соединялся с лысой девушкой; спаривался и с женственной водой для вынашивания и выкармливания ребенка, краснеющего рядом с ним. Сэм Риб заметил, насколько болотистые земли улеглись совсем близко от первого зверя, сдваивающего спину, овальность других сдвоенных зверей, лежащих под таким большим холмом, как холм знаменитого Дядюшки, который прошлой ночью стал хмурым и укрылся камнями. Они и раскровянили ноги детей, ибо башмаки и чулки навсегда затерялись в травах первого поля.

Бет Риб и Рубен сидели, надвигаясь и думая о холме. Они слышали, как Сэм сказал, что холм первого острова становится для спуска мягким, словно шерсть, или гладким, словно лед под санками. Они вспомнили о прирученном прошлой ночью спуске.

“Ручной холм, - добавил Сэм Риб, - дичает при подъеме на него”.

Отроческий холм был очерчен белой дорогой из камня и льда, пропечатанной следами скользящих ног или полозьями от санок, на которых дети спускались вниз; другая, у подножия, дорога поднималась вверх полосой красного камня, и была она помечена сгустками крови в растрескавшихся отпечатках, уходящих вверх. Спуск был мягок, будто шерсть. Ошибешься на первом острове - и поднимающийся холм укутается во что-то острое из камней.

Бет Риб и Рубен, навсегда запомнившие горбатые валуны и осколки камней в траве, впервые в тот день повернулись друг к другу Сэм Риб создал ее и выплавит его, создаст и сплавит мальчика и девочку, превратив их в двойного скалолаза, обошедшего остров и расточившего свою холостую силу. Он снова рассказал им об иле, но не испугал их. И были оторваны верхушки серых водорослей, которым никогда больше не разбухнуть в руках пловца. День восхождения прошел; оставался первый спуск, холм на карте любви, две ветки камня и оливы в руках детей.

Этой ночью сотворенные чада вернулись в свое логово на холме, бегом выбираваясь сквозь пещеры и лежбища к крыше,

распознавая кров звезд, счастливые оттого, что держались за руки. Там перед ними лежала пестрая долина, и травы двадцати полей выкармливали скот, ночные твари двигались вдоль изгороди из кустов или лакали теплую воду Идриса. Бет Риб и Рубен сбежали с холма, и нежные камни не шевелились под их ногами; еще быстрее понеслись по боку Джарвиса, и ветер был в их волосах, и запахи моря с севера и юга, там, где его и не было, врывались в их поющие ноздри; и, уменьшая скорость, они добрались до первого поля и края долины, чтобы найти там свои чулки, аккуратно сложенные на проплешине, вытопанной коровами среди травы.

Они натянули чулки и побежали сквозь падающие листья.

“Вот и первое поле”, - сказала Бет Риб Рубену.

Дети остановились, лунная ночь продолжалась, голос из черноты кустарника повел речь.

Голос сказал: “Вы дети любви”.

“Где ты?”

“Я Джарвис”.

“Кто ты?”

“Здесь, дорогие мои, здесь в кустах с мудрой женщиной”.

Но дети убежали от голоса в кустарнике.

“Вот второе поле”.

Они остановились отдышаться, и хорек, пискнув, пробежал по их ногам.

“Крепче держи”.

“Я буду держать тебя крепче”.

Голос сказал: “Держитесь крепче, дети любви”.

“Где ты?”

“Я Джарвис”.

“Кто ты?”

“Здесь, здесь, возлежу с девственницей из Долджелли”.

На третьем поле человек в Джарвисе возлежал, любя зеленую девушку, но, называя их детьми любви, возлежал он, любя ее призраком и запах сливок в ее ды-

хании. Он любил калечную на четвертом поле, и не кончалась любовь, ибо ноги ее скручивались, и он проклинал простодушных детей, нашедших его с любовницей с неизвивающимся телом на пятом поле, в четвертой части всех этих полей.

Девушка из Тигровой Бухты плотнее прижалась к Джарвису, и ее губы, меченые красным, крошили сердце на его горле; это случилось на шестом протоптанном погодой поле, на котором, увертываясь от молота ее рук, он узрел их невинность, два цветка, качающиеся в ухе свиньи. “Моя роза”, - сказал Джарвис, но его седьмая любовь смердела в его руках, в его ошупывающих руках, держащих язву Глеморгана над девятой изгородью. Девятый раз прислуживала ему святая женщина из монастыря Сердце Бетеля.

И заплакали дети на центральном поле, словно взвились десять голосов, взвились и рухнули из десяти пространств полуночи и мира кустарниковых изгородей.

Стояла глубокая ночь, когда они откликнулись, когда голоса одного голоса сочувственно отзывались на двухголосый вопрос, звенящий в ударах поднимающегося, поднимающегося и опускающегося воздуха.

“Мы, - сказали они, - суть Джарвис, Джарвис под кустарником, в руках женщины, зеленой женщины, облезшей, как барсук, Джарвис на бедрах монашки”.

Они сосчитали число своих любовей перед прислушивающимися детьми. Бет Риб и Рубен вняли десяти оракулам, и, смущенные, согласились. Над оставшимися полями, под шепоты последних десяти влюбленных, под голос стареющего Джарвиса, поседевшие от окончательных сумерек, они торопились к Идрису. Остров светился, вода бормотала, жест рук таился в каждом ударе ветра, взрезающего плоскую реку. Он снял ее летнее платье, а она по-лебединому округлила руки. Нагой мальчик встал у ее плеча; и она повернулась и увидела, как он нырнул в зыбь ее пробуждения. Позади их голос ее отца выскользнул из гула.

“Вверх по реке, - позвала Бет, - вверх по реке”.

“Вверх по реке”, - ответил он.

И лишь теплые, нанесенные на карту воды, бежали той ночью по краям острова первых зверей, белея под молодой луной.